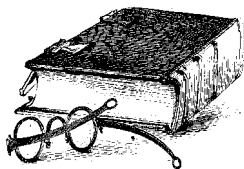
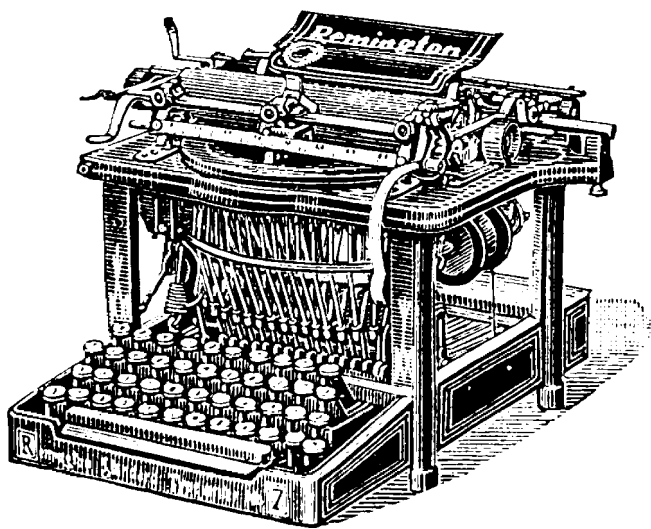

АЛЕКСАНДР
КАБАКОВ

**АЛЕКСАНДР
КАБАКОВ
КАМЕРА
ХРАНЕНИЯ**

МЕЩАНСКАЯ КНИГА

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ**

Издательство АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К12

Художник – Андрей Рыбаков

Кабаков, Александр Абрамович.

К12 Камера хранения: мешанская книга / Александр Кабаков. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 351, [1] с. – (Проза Александра Кабакова).

ISBN 978-5-17-090410-5

«Эта книга – воспоминания о вещах моей жизни. Вся вторая половина XX и порядочная часть XXI века сохранились в этих предметах. Думаю, что о времени они могут сказать не меньше, чем люди.

Я твердо стою на том, что одежда героев и мелкие аксессуары никак не менее важны, чем их портреты, бытовые привычки и даже социальный статус. “Широкий боливар” и “недремлющий брегет” Онегина, “фрак наваринского дыму с пламенем” и ловко накрученный галстук Чичикова, халат Обломова, зонтик и темные очки Беликова, пистолет “манлихер”, украденный Павкой Корчагиным, “иорданские брючки” из аксеновского “Жаль, что вас не было с нами”, лендлизовская кожаная куртка трифонового Шулепникова – вся эта барахолка, перечень, выражаясь современно, брендов и трендов есть литературная плоть названных героев. Не стану уж говорить о карьеристах Бальзака и титанах буржуазности, созданных Голсуорси, – без сюртуков и платьев для утренних визитов их вообще не существует...»

Александр Кабаков

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090410-5

© Кабаков А.А.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Необходимые пояснения.....	9
----------------------------	---

Часть первая В ЗАКОУЛКАХ БОЛЬШОГО СТИЛЯ

Россия — родина слонов	15
Малые народы Севера	20
Подъем переворотом	27
Пружина.....	31
Румыния ни при чем.....	40
Пижама, платье, наряд, туалет	49
Треники как национальная идея	57
Гараж особого назначения.....	62
Ручка-карандаш складная.....	67
Деталь интерьерера.....	75
Чужая жизнь	83
Когда качаются фонарики ночные	91
«Крокодил» и «Дружба»	94
Прирученное время.....	102
Ручная и ножная вечность.....	109
Тихие игры.....	112
Комод Атлантиды.....	116
Случай с пуговицей (интермедия).....	122
Комод Атлантиды II	125
Комод Атлантиды III	132
Кто убил лошадь.....	137

Незабываемая красота вредной привычки	143
Заходите, раздевайтесь.....	147
Очки в мою пользу	153
Абонент временно доступен.....	160
Горело всё синим огнем.....	166
И свет во тьме светит	171
«Общепит» и черепки жизни	175
Куда без шапки пошел?!	178
На полочке лежал.....	188
Любительская съемка.....	192
На добрую долгую память	195

Часть вторая
ПОДРЫВНЫЕ ВЕЩИ

Русский гольф	201
Любовь и принципы.....	207
Как погибла телогрейка	216
Комок	221
Заправка шариковых ручек	228
Помойка как эстетический идеал.....	237
Помойка как экономическое чудо	242
«Самострок под лэйболами».....	251
Трубки и другие потери	264
Ladies, как говорится, first.....	268
KLM, портфель и торба.....	273
Изделие № 2.....	277
Могущественная бумага	282
Наручники свободы.....	285
Веселый закат суровой империи.....	289
Великие антисоветские штаны	291
Комсомольский остров.....	298
Шапочный разбор.....	304

И другие мелкие вещи.....	310
Тайна сапог.....	316
У всех стерео, а у него – моно.....	319
Обошлось (несколько строк под настроение).....	324
Люди в шкурах.....	326
Люди в шкурах, явление второе.....	331
Конец истории, как и было сказано.....	334
Здравствуй, оружие.....	339
...Мы пошли собственным шелковым путем.....	346
Гремела ламбада.....	349
Простите, если что не так.....	351

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Мемуары – жанр, по моему мнению, для автора малоприятный и, наверное, по этой причине любимый читателями. За всякий успех у потребителя производитель продукта должен платить, и чем безусловней успех, тем больше плата. Вспоминая свою жизнь, пишущий подсознательно прощается с нею: ведь вспоминать можно только то, что уже случилось, безвозвратно произошло. Писание мемуаров есть завершение пожизненно совершаемого сочинительского труда, после мемуаров начать роман или даже рассказ было бы нечестно – такое действие стало бы обманом аудитории. Только, значит, вы дочитали полную и завершённую жизнь, удовлетворились тем, что про автора теперь известно все и окончательно, как он вылез с непредусмотренным продолжением. Такая жизнь после жизни вызывает законное раздражение. Том воспоминаний должен завершать полное собрание со-

чинений, именно полное — все предшествовавшие были просто собраниями. После любого из них можно начинать хоть новеллу, хоть сагу, хоть эпопею, можно и даже нужно, чтобы следующий трех- или пятитомник был по-честному дополнен новинкой... А после мемуаров в сущности возможен единственный жанр, но в нем, как правило, выступают уже коллеги и друзья героя.

Это — с точки зрения сочинителя. С точки зрения персонажей дело обстоит еще сомнительней. Доживший до соответствующего возраста мемуарист, особенно если по роду своих занятий он встречался на протяжении биографии и карьеры с известными людьми, не может избежать в своих воспоминаниях нелюбезных описаний, даже разоблачений, раскрытия секретов, прямых оценок и резких суждений. Собственно, ради всего этого мемуары читаются, да и пишутся тоже, если говорить откровенно. В пример можно привести десятки сочинений, в том числе очень талантливых и успешных. Хорошо еще, если пишущий награжден — или наказан — долгожитием, так что все персонажи его воспоминаний померли раньше публикации, а если кто-то уцелел? Как повернется рука судить стариков, писать о них то, что, ради сохранения мирных отношений, и говорить не решался, даже когда все были молоды и многое могли вынести и еще было время помириться потом... Не говорю уж о том, что быстро, от страницы к странице слабеющая память подводит, путаются последовательности, возникают из тумана никогда не произносившиеся слова, старые анекдоты представляются былями — словом, мемуарист «врет, как очевидец» по французской, кажется, поговорке.

И я не хотел и не хочу писать воспоминания.

Но писать-то надо.

«Старик, тебе надо воспоминания писать, ты столько видел и столько знал...» А чего уж такого я видел? Не о чем мне писать. Ну, здоровался, целовался, как водилось тогда, при встречах... И что на этом основании я напишу?

Да и не хочется, как сказано, подводить черту, ну, не хочется пока, извините...

И вот я придумал! А если точнее, если не врать с первых строк, то не я придумал, а неизменный и незаменимый мой редактор — не скажешь же про нее «редакторша», с ее шестым чувством, с никогда не подводящим ее чутьем книжной удачи. Напиши воспоминания о вещах, сказала она, кому ж, как не тебе, ты же каждую пуговицу из тысяч застегнутых и расстегнутых за всю твою жизнь помнишь, у тебя ж и репутация собирателя деталей, напиши мемуары о предметах, среди которых жил и живешь! И это не будут итоги, потому что вещи бесконечны. И это не будет обидно для описываемых, потому что вещи не обижаются. И ты ничего не соврешь, потому что вещи ты помнишь так, как никто их не помнит.

Вот я и пишу, Лена. Спасибо за идею.

«Старье берем!» — кричал человек с одноколесной тачкой, сколоченной из досок, в которой лежали мешки бурой дерюги: в один он складывал бумагу, в другой — битый фаянс, в третий — сломанную бронзу... Считалось почему-то, что все старьевщики — татары и потому очень хитрые. Мы, ребятня, таскали им все, что плохо лежало дома (смотри советскую литературную классику), а они расплачивались с нами картонными трубочками калейдо-

скопов, внутри которых переливался цветной узор, и мячиками, привязанными к тонкой резинке и прыгающими под ладонью.

Старье беру. Я попытался собрать в этой книге все, что плохо лежало во времени, что старьевщики давно увезли на свалку, одарив нас калейдоскопами и мячиками на резинках. Да и те понемногу пропали.

Старье беру – беру, иначе всё пропадет бесследно.

Это не мемуары – это просто опись того, что хранится на складах памяти.

И того, что хранилось, но пропало.

В этой описи будет много повторов.

В жизни тоже повторов не избежать.

Моя собственная камера хранения.

Заброшенная кладовая, полная бесполезных предметов.

Если же здесь когда-нибудь случайно появятся люди, каждому будет присвоена всего одна буква – даже не инициалы.

И никаких обид. Какие могут быть обиды на блошином рынке?

Это книга о мещанах и для мещан.

Слышали? О мещанах и для мещан.

Я настаиваю.

Добро пожаловать на мою персональную барачолку, снисходительный читатель.

Мой блошинный рынок,

marché aux puces,

flohmarkt,

flea market...

Возможно, вы найдете здесь нечто и вам интересное.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ЗАКОУЛКАХ БОЛЬШОГО СТИЛЯ

РОССИЯ – РОДИНА СЛОНОВ

В каждом приличном доме они стояли на комодке.
Из непрочного гипса – самые дешевые,
из грубого, со сколами, белого мрамора – посолидней,
из цветного фарфора – побогаче...

Семь слонов мал мала меньше, выстроившиеся по росту, смиренно глядевшие под ноги или задрывшие хоботы в беззвучном реве. Семь – потому что на счастье, а почему слонов... Кто ж его знает. Советская национальная гордость проявлялась в присвоении всего значительного. Радио изобрел Попов, а про Маркони даже не слышали, главным путешественником был Папанин, а про Амундсена не упоминалось, лампочка была и вовсе Ильича, а Эдисон оставался неведом... Но советская национальная ирония уравновешивала все, и в ответ на пафос возникла эта шутка: «Россия – родина слонов». Вообще, ирония смягчала ту жизнь и в неко-